

СИБИРСКАЯ ЖИЗНЬ

ВН
ДО
ВЪ

Въ гостяхъ у Чеховыхъ.

Но только для меня, но, думаю, для многихъ лѣтъ имени болѣе дорогого, чѣмъ имя Антоны Павловича Чехова.

Любовь къ Чехову и къ его творчеству — это совершенно немаловажное въ нашей русской жизни; съ этой любовью мы несомнѣнно связываемъ самую прекрасную, самую интимную дилекцию нашего сердца, къ которому быть такъ необходимо-чуждо покойный писатель. Говорить о немъ — значитъ спускаться въ самый глубочайшій, чистѣйшій уголокъ нашей души, въ то святое святѣе, гдѣ галтаетъ наша душевная порода и надежда.

Тоска трехъ сестеръ — это наша тоска, мези дѣдъ Ваши, пылвнная обростью книги, то наши слезы; и страстная мечта Вершинина о томъ, что «черезъ двѣсти-триста лѣтъ жизнь на землѣ будетъ немощенно-прекрасной, изумительной, это наша мечта. И это имя, а потому дружокъ, говоритъ Соня, критика думаетъ съ азвѣстиямъ сердечнаго: «Мы удивимся, увидимъ, либо въ алмазахъ, или увидимъ, какъ все это земное, все наши страданія потонутъ въ миссионеріи, которое наложитъ собою мѣръ, и жизнь станетъ изящною, вѣчною, сладкою, какъ ласка».

Москва всегда была любимымъ городомъ Чехова, и вѣднѣ естественно, что именно въ ней процвѣтаетъ культъ Чехова. Здѣсь, на кладбищѣ Новодевичьей монастыря — могила писателя, надъ которой днемъ и ночью топятся неутихающая лампада и къ которой приходятъ одинокіе люди со всѣхъ концовъ Россіи — кладутъ на могилу цвѣты и долго, молча, стоятъ съ обнаженной головою. Здѣсь, въ Камергерскомъ переулкѣ, — Художественный театръ со своей неизменною излюбленною — чеховскою чайной, съ изумительною «вишневою садовою», несомнѣнно съ репертуара и прошедшимъ недавно въ дружелюбный развѣ. Здѣсь-же, въ Москвѣ, живутъ семья писателя, дѣтей, чужеземцы, его памяти.

Мнѣ давно хотѣлось побывать въ семьѣ Чеховыхъ, но-не-решено было совладать съ этимъ, столь ему близкимъ, но лишь на-дняхъ, воспользовавшись необходимостью дѣлового разговора съ сестрой Антоны Павловича, я попросилъ разрѣшенія явиться къ нимъ. Марія Павловна отбыла любезнымъ приглашеніемъ и назначила время.

Въ девять часовъ вечера я подошелъ къ большому каменному дому у Патриаршихъ прудовъ.

— Квартира № 5 лѣва? — спросилъ я швейцара.

— Чеховы? Да, здѣсь. Второй этажъ. Когда я вошелъ, въ передней оказался

какіе-то молодые люди (какъ потомъ оказалось, писемники писателя, писавшіе Маріи Павловнѣ въ ея работѣ по изданію его писемъ и посмертныхъ произведеній); Марія Павловна разговаривала по телефону, очевидно, съ какой-то редакціей, слышны были фразы:

— Рукопись «Вишневаго сада»? Переслать къ юбилейнаго номера? Я ничего не имѣю противъ... Но рукопись у Непомровича, — обратитесь къ нему... Да, въ Художественный или на квартиру...

Меня пригласили въ столовую. За столомъ, за стаканомъ чая сидѣла мать Антоны Павловны — Евгения Іоанновна, сухонная, маленькая старушка въ наколѣхъ, съ нѣсколько прищуренными прищипанными глазами.

Съ какой радостью поцѣловалъ я ея жалостную сморщенную руку, которая не разъ болѣла тащивъ дорогу назадъ всѣмъ голому сплосу «Антошка»...

— Вы кто? — спросила Евгения Іоанновна, принимая меня, очевидно, за кого-то другого, — кажется, Вы у насъ были?

— Нѣтъ, я впервые... Вы меня не знаете.

Она улыбнулась:

— Ну, все равно. Сидитесь ближе къ столу. Выкушайте стаканчикъ чая.

Вошла Марія Павловна. Мы стали пить чай и вести дѣловую разговоръ. На серебряной ложечкѣ, которую я поймавъ въ стаканъ, вѣднѣю монограммы выгравировано:

— «Чайка».

На стѣнахъ и на полкахъ — карточки и портреты Антоны Павловича, К. С. Станиславскаго, О. Я. Книппера, групповые фамиліи и товарищескіе снимки.

Я былъ радъ, когда дѣловую разговоръ кончился, и мы перешли въ комнату Маріи Павловны; эта комната — ея рабочий кабинетъ и въ ней съ тѣмъ архивомъ, всего, что осталось послѣ смерти брата.

Осталъ заваленъ рукописями, корректурами листами, отисками съ каліе. Въ началѣ марта приходитъ въ свѣтъ новый томъ посмертныхъ чеховскихъ произведеній, найденныхъ при разборѣ его бумагъ и записныхъ книжекъ, — всѣ отбѣтвенная работа по изданію этого тома сосредоточена въ заботливыхъ рукахъ Маріи Павловны и происходитъ въ этой самой комнатѣ.

— Работа очень интересная и приятная, — говоритъ Марія Павловна, — но иногда бываетъ неурядице и досадно. Раздражаютъ привхожденія обоготельства, главными образомъ, матеріальныя расчеты. Мнѣ эти расчеты совершенно

чужды, а между тѣмъ, приходится ими заниматься. Сидишь себѣ спокойно за столомъ, работаешь, душу выкладываешь въ дѣло... и вдругъ звонокъ телефона и данный разговоръ о томъ, какую плату поставить на обложку... или о томъ, устроить или не устроить рекламу... Марія Павловна показываетъ мнѣ рукописи брата, его черновые наброски. Бумага частію уже пожелтѣла, чернила мѣстами блѣдны, но почеркъ тонкій, четкій, все можно разобрать отлично. Я перепрыгиваю дорогія странички, испорченные мези-мези, и руки у меня дрожатъ...

— Къ концу жизни брата, — поясняетъ Марія Павловна, — почеркъ его дѣлался все медленнѣе... Вотъ, смотрите, какъ мелко написаны послѣднія странички: это уже въ 1904 году... Братъ заносилъ въ записныя книжки все: отдѣльные мысли, любопытныя выраженія, иногда въ сжатомъ видѣ цѣлыя разсказы. Разсказы его мы часто узнавали раньше, до печати. Онъ любилъ дѣлаться съ нами тѣмъ, что было ему задумано. Потомъ, уйдя къ себѣ, записывалъ. Исползованное записывалъ. Вотъ здѣсь, напримѣръ... это, кажется, изъ «Мужиковъ». Я написала двѣ новеллы, невѣроятныя главы въ этой повѣсти и рядъ казвѣвшихся дальнѣйшихъ страницъ. Пожидкому, Антома предлагалъ развернуть эту повѣсть шире и во второй части перенести мѣсто дѣйствія изъ деревни въ Москву. А дѣйствія несли брата, когда-то напечатанныя, а потомъ имъ забытыя, было очень трудно разыскать. Частю въ этихъ поискахъ приходится руководствоваться только письмами, письма-же иногда запутываютъ еще больше. Напримѣръ, Григоричъ въ одномъ письмѣ брату пишетъ, что съ удовольствіемъ прочиталъ его разсказъ въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ». Между тѣмъ, мнѣ достоверно извѣстно, что Антома Павловичъ никогда въ этой газетѣ не сотрудничалъ. Очевидно, Григоричъ перепуталъ «Петербургскія Вѣдомости» съ «Петербургской Газетой», въ которой братъ иногда печатался. Заботитъ меня еще музей, — говорю дальнѣе Марія Павловна.

Недалеко я была въ Таганрогѣ. Какой тамъ прекрасный музей имени Антоны Павловича! Отличное зданіе, свѣтъ, чистота, изящество. Очень удобная витрина. Все содержится въ образцовомъ порядкѣ. Правда, въ таганрогскій музей я отдала очень много и рукописей, и вещей. Просилъ они подарить мнѣ еще ялтинскій кабинетъ брата, но, конечно, этого я сдѣлать не могу. Въ нашей ялтинской дачѣ, въ комнатахъ брата, все остается и должно остаться такъ, какъ было при немъ. Очень хотѣлось-бы подумѣе устроить чеховскую комнату въ Гумилевскомъ музеѣ въ Москвѣ, но здѣсь дѣло идетъ туго, хотя, конечно, рано или поздно устро-

ить. Можетъ быть, удастся устроить даже къ концу этого года, въ десятилѣтіе, годовщину со дня смерти Антоны Павловича. Будемъ надѣяться.

... Времяшло, а я и медленнѣе прощаюсь съ Маріей Павловной. На хотѣлось ухе-

дить. Было счастье: сидѣть у стола, на которомъ лежали дорожныя рукописи, дышать воздухомъ чеховскаго дома.

Г. Вяткинъ.

Москва, 23 февраля 1914.